

василий
бордин
машенька

UDK 821.161.1-1
Б830

Vasiļijs Borodins
Mašeņka. 2013.–2018. gadu dzejoļi un opera
(krievu valodā)

Бородин, Василий. Машенька: Стихи и опера 2013–2018 гг.
Ozolnieki : Literature Without Borders, 2019. – 52 lpp. –
(Поэзия без границ).

Василий Бородин родился в 1982 году в Москве. Окончил Московский вечерний металлургический институт. Работал редактором, корректором, иллюстратором. Публикуется с 2005 года в журналах «Воздух», «Новый мир», «Волга», «Урал», на сайтах «Полутона», «Новая камера хранения», «TextOnly» и др. Опубликовал книги стихов «Луч. Парус» (2008), «Цирк “Ветер”» (2012), «Дождь-письмо» (2013), «Лосинный остров» (2015), «Пёс» (2017). Лауреат премии Андрея Белого (2015).

Редактор проекта Дмитрий Кузьмин
Обложка: Олег Пащенко
Логотип «Поэзия без границ»: Андрей Черкасов

Latviski atdzejojis Einārs Pelšs (uz ceturtdā vāka)

ЛИРИКА

© Izdevniecība “Literature Without Borders”, 2019
© Василий Бородин, 2015
© Олег Пащенко, 2015
© Андрей Черкасов, 2015
© Einārs Pelšs, 2018
ISBN 978-9934-8708-6-6

лист от подошвы не отрывается
так прилип его острый клюв —
так вертится — не на языке, в общем ветре:
«люблю люблю»
первый мороз земли прихватит
ночью лужи: там пузыри
воздуха — длинные, как рыбы души,
как до всех войн солдаты шли:
вели на верёвках
улицей дирижабль
— а потом первый снег перепутается с травой

до самых окраин мира гудят
событийные промежутки во временной
утешительной непрерывности;
в общей немоте
вертится: «будь со мной»
так движется узкий лист
в луже на ветру
или две утки в полынье
у горячей ржавой трубы:
«— не умру
— тогда и я не умру» —
клонят кивком молодые низкие лбы

поговорим о дыме — как
ветер делит его: как нити
дёргает под углом;
ветер не говорит: «извините,
как мне пройти к метро?» —
нет, он спрашивает: «зачем вообще всё?»
— ветка на земле, ругань над столом:
контуры стариков тасуют
плоский звон домино

вертится в голове — часовой
стрелкой — некое имя всуе
узкий след на снегу
водой налился темно

флейта вестница
ты и конница и змея и
звонница на закате
и подождённая лодка
под ночным ливнем
ты и радуга

и само
солнце говорит тебе злится:
выучи уже поворот птичьей стаи
видишь как
резко сворачивает на лету
первая птица

сыроватого звука
сыроватого звука нам
с самой ясной Ямайки
сыроватого звука — там
УЗИ сердца, или собака
вылезла из воды
а по берегу
ходит между людьми
сухой дым

человек — тоже ствол и ветки
тихий ход сухих голых корней
время замершее как ветер
над песчинками светлых дней
между рёбер ладоней господних беги —
стой, беги, струйка
общего песка
белый флаг — листок папиросной бумаги
кончен бой, солнце подожгло облака

— товарищ чай
— я крот, товарищ ночь

в орлиных крыльях
вянущий поток
воздушный вдруг
усиливается

— товарищ лес
— я прав, товарищ царь

смыкая на пути твоём ряды
еловых мелких игол,
ветки дней
смыкая, чтоб ты слышал пульс корней

— товарищ пир
— я тризна, милый храм

нам галок надо больше:
тесноту
духовную и звуковую — ту
что радио умеет по утрам

— о-у, о-у: товарищ песня пьёт,
зубами кран

холодный прикусив
товарищ небо ясен и спесив
товарищ дым
метаморфозы въёт

или не так давно стал такой наплыв —
что это много, и это не навсегда:
именно родной кров, голубь на подоконнике,
крепкий горячий чай, окна в ряд
за окном, узел старой герани, и
всем можно позвонить

время — серая лодка, там
вместо меня
будет когда-то, не долго, сидеть
кокон пустоты
будут, чуть дольше, бледнея ходить
рыжие или чёрные облака чужой памяти

время — красная нитка: в каждом узле
обнаруживаешь себя, по рукам и ногам,
с лучшими, чем ты, и, конечно, тяжесть растёт
в сжатых таких челюстях молчания, где если и
зреют осмысленные слова —
то о растущем в это же время сердечном свете

в пункте приёма лома на автобазе
чистый и не утопанный снег; в чёрном гараже
приёмщик в пёстром свитере отбивает
медную плату от впаянных проводов:
чёрные пальцы, а деньги даёт всегда
чистые, как зарплату из банкомата

можно подвыпить, всем можно позвонить
глядя на ёлку в сквере, на солнце, сквозь
прутья забора разлившееся по льду вдаль;
между серебряных, тёмных облачных сгустков —
бледный просвет, в нём прямые лучи чуть вкось
не изменяясь плывут влево, за завод

сдувшаяся, запутавшись в проводах,
связка воздушных шариков потемнела,
как вялый виноград, ещё не изюм
— это не наши души, не мы с друзьями!
или не так давно стал такой наплыв:
всем можно позвонить

☞ ☞ ☞

дождик яблоки сломал —
обе роты, колымагой
укатился так уж мал

...можешь мокрую бумагу
разорвать по ровной линии
и пройти по этой глине? я

говорю дождю в следы:
— ты под флагами воды
победитель только; есть ли
у тебя своя душа?
если есть, то только если

ты прошёл — и вот, дыша
чуть по-новому, деревья
тянут руки, как зевая:
«мы счастливая деревня,
и твоя душа — живая!

мы твои подержим капли
как танцующие цапли

и у нас в ветвях как в гнёздах
над счастливыми ночами
будут просыпаться звёзды
полные ума, печали

и просветов в ней сквозных —
звёзд соседних, остальных»

на севере Рая льда
нет, но есть гора Нет
там можно молчать когда
песни на горе Да

начинают бить по голове
как по наковальне
и спускаются по тропе-траве
негры выжженные ликованьем

слушать как еле-еле
звонит вода
идут
на гору Нет с горы Да

светло в яме
под весом волка рухнул настил
вот — улеглись
листья кружившиеся сперва
светло в яме

вода в доме
тише и тише качается в ведре
дышит большой
и круглый отсвет на потолке
вода в доме

в густом дыме
вертятся рыжие искры вверх
вверху гаснут
серыми точками плывут вниз
в густом дыме

в ночном небе
светлеет звёздная глубина
и полной грудью
прозрачный волк дышит и бежит
в ночном небе

если бы хроники битв писали
падающие лошади, им бы молча
кричала втопанная в пыль и песок трава:
нет, это я права!

но вот что думают
песок и пыль?
пыль и песок
просто рады быть

но и устали от всего
«тебе страшно?» «нет, ничего»
— пыль и песок

на ветру и наискосок —
как бы бесцветная усмешка
во всю длину пешей пленной толпы

на
лёгком ветру
лестничной клетки
вертится белое пёрышко
это моё к тебе
неназываемое

банка с окурками
ржавая сетка лифта
белое пёрышко вертится
вверх вверх вверх
это совсем ничьё
это ранний май

и во дворе
на остриях травы
белые звёзды воздуха с явным звоном
сталкиваются лучами; мычит земля
это к тебе моё: не
слушай, не знай

уважайте пространство других
глубоко (насквозь) в рыхлый снег
комья снега бух! бух! с ветвей

отражайтесь в мытых дверях

— старый фикус и силуэт
пациента дружны как ни-
кто: вот пожелтел клюв листка

как бы пальцы от табака

ночью с крыш старых корпусов
острый снег летит завитком
жужжат кварцевой лампой дни

фикус машет каждой рукой

сколько вечность тяжела
в доме веточка жила
возле смертного одра
вместо синего крыла
в доме веточка жила

сколько дуло из окна
сколько пыли, тишина
бег тигриного ковра
шелуха и кожура
скорлупа и тишина

чёрные глаза луны
зёрна в венике видны
зёрна в венике — глаза
спящего цепного пса
золотая полоса

промахивающийся корень наматывает круги на поверхности земли
промахивающийся корень наматывает круги на поверхности
бледной наждачной земли, где
осколочная лесная луна, паучий скупой бег по нитке из угла в центр,
и

сырые древесные грибы — как голубоватые кольца сатурна,
предчувствие воя, вой
скрип очень сухого ствола с рассопливившейся сердцевинной — на
что он похож? думай головой
похож он на твою душу и твою речь — говорит с ветхим человеком
его встреча, встреча с самим собой

курносой летучей мышью болезненная эйфория и дрожь ушей, потом
сон, сон вниз головой —
вот так она выглядит, жажда радости, поиск средств к её достижению;
ты стал жалок
вот жук, когда целится птица, — он притворяется мёртвым: сложив
лапы на груди, лежит на спине
а ты, лёжа замертво внутри себя, тем отчаяннее шевелишься, идёшь к
людям, смотришь в небо
растрескавшееся дерево говорит себе «мы»: «мы могли стать великие
корабли»
промахивающийся корень наматывает круги на поверхности
утренней земли

короли: в лапках
у королей — лишь кубки
— о, густо-красные, как глаза,
камни на кубках!

с потолка падает слеза
крыса ёжится; «вылезай!» —
сто лет кричит призракам королей
призрак бунтовщика

стучит прикладом — но в лапках
у королей — лишь кубки
крыса ёжится — корки нет,
капает с потолка

вычеркнутые стихи
о далёком камне, к которому течёт время,
кажущееся неподвижной горой из стекла,
и о лодке ладоней,
в которой дышит вода
и готовится смыть колючие ручейки слёз
со щёк недостижимо хорошего девичьего человека

или шуточная песня
о погибшем красноармейце,
из которого вышла душа
и, превратившись в весь мир,
вдруг наткнулась во всём этом мире на своё
прежнее жильё-тело
в тёплой ещё вечерней степи,
рядом с серой шашкой

когда в депо на пустыре
прекрасные глаза
автобусов — земных царей —
глядят как бы из-за

легчайших облаков глядит
небесный царь на них
и всё земное впереди
как бы грядёт жених

я думаю о солнце дней
сквозном но слов о нём
ни верных ни неверных нет —
оно лишь с каждым днём

ночь летающая и август
говорящий: долгие звёзды
над
домом тёмным изнутри
спи и сни — а утром смотри:

синий домик пыльная тропка;
внутри лип золотой и робкий
лист — и лист зелёный немой
ум
молчит, чай зовёт домой

печаль бывает изнутри
бывает вся внутри
сидит на краешке земли
на камешке зари

ума бывает далеко
раскинутая сеть
теряет душу-облако
и так всю ночь висеть

над ранним праздничным столом
смиренная оса
качает свой срединный слом
всё время полчаса

на поздних праздничных столах
у лодки лепестка
хромает муравей-феллах
гудит его рука

бывают улицы коров
над ними как старик
прозрачен ветер, нездоров
и внутренне горит

и пыль бывает как тоски
осадок из тепла
когда и дали далеки
и встреча обняла

передёрнет от водки,
и снег далеко времён
— чёрной веточкой
времена лежат на снегу,
чёрною былинкой
из скруглённых сугробов торчат

— здравствуйте, друзья!
и, князь мира сего, садись на сварную ржавь:
раз мы скинулись, с нами мни
пластиковый стаканчик —
он рифлёный: хрустит, когда пуст, а когда
полон, мелко дрожит, как пузо

собираются старики от жён, парни — от поганых
одиноких компьютеров до пяти утра,
мужички выгуливают собачек; «здравствуйте, собачка!» —
говорит — с интонациями великого князя — князь
мира, потрясённый
красотой и печалью смиренного бытия

...«не бери в своё царство того, кого поминаем» —
как бы все говорят, и князь мира к мёрзлой траве
так отводит глаза, как безвольнейший из безвольных;
пустырь — на холме, и с него видны: колокольня,
детская площадка, еврейский центр, отделение милиции, магазин,
кошка дворничихи, кормушка в кустах, всё небо

если ты будешь водить парней
води и меня
води
и
меня
пусть они мужественней и сильней
води и меня

если ты будешь ходить в музей
возьми и меня
возьми
и
меня
пусть я тупей всех твоих друзей
возьми и меня

если ты будешь тупить в смартфон
кинь смайлик и мне
кинь
смайлик
мне
я надуюсь от счастья как гондон
в пустой тишине

о, если доподлинно этот мир
не солипсическая хуйня,
в здесь-бытие меня возьми
включи меня

по светло-серой мгле небес
в народной песне сов
летит, сто лет летит одна стрела
над шорохом лесов

и если ты ей встретишься
то гибели не жди
а просто впереди одна тоска
и робкие дожди

так плачут над Некрасовым
в гостиных барчуки
и вдруг несутся флаги красные
подобием реки

и лужа на пожарище
безлюдном так горит
как с умирающим товарищем
товарищ говорит:

мы выстроим широкие
большие кубики-дома
там будут окна ясноокие
там будет свет ума

вон — по слепящей синеве небес
в народной песне дня
летит, сто лет летит одна стрела
над морем из огня

едем
в белом трамвае
едем
в сером трамвае
едем
в чёрном трамвае
эй

едем
в дальние гости
едем
в ранние гости
едем
в поздние гости
эй

долго ли
до конечной
спать
во мгле бесконечной
выйдем —
свет бесконечный
эй

едем
в чёрном трамвае
едем
в сером трамвае
едем
в белом трамвае

остановка сквозняк

сколько дуб ни отмечает
про себя что он мертвеет —
в сердцевине мокрая труха —
листья новые счастливей
птичьи песни веселее
ближе ближе дудка пастуха

сколько я ни отмечаю
про себя
что я здесь
а дорога отвечает
а ворона отвечает:
вышел весь

сколько дождь ни отмечает
про себя что он печален —
струи-свёрла света вкривь и впрямь —
а сияют спины листьев
ветки думают качаясь:
август август лучше октября

сколько я ни отмечаю
про себя:
вышел весь
а дорога отвечает
а телега отвечает:
все мы здесь

спим среди лёгких звёзд

сон проходит вдоль дорог
сон приходит на порог

мышь выходит из норы
миска спит у конуры

вдоль забора спит вода
и вздыхает иногда

в миске той полупустой
листик тонет золотой

в поле чёрные кусты
в небе чёрные бинты

серой звёздочкой война
с белой косточкой одна

что такое горизонт
знает человек Созонт
он глядит там на луну
и лежит во всю длину

я старался
все старались
как грифель «ТМ»
долго вели линии и круги
медленно стирались

я терпел
все терпели
некрасиво, внутри себя пели
ныли, как боль в спине
лезли по стене

радио «Ханжа» говорит —
бог вокруг
радио «Правда» оспаривает:
бог — впереди:
встретишь его, а он уже всё знает

вся твоя жизнь у него в руке
как мусорный пакет
и на нетварный свет
всю вечность смотреть — сбоку, издалека
не прикасаясь даже случайным словом

✠ ✠ ✠

я задумал
очень красивую книгу
«кротость»
там чудовищные тираны
играют в кротость

но горит
очень долго
в ночном снегу —
неужели окурок?
нет, просто блёстка
новогодней китайской ленточки
кроткий клюв
с безразличьем задумавшегося подростка
повторяет за фонарём:
«умрём»
«никого не люблю»

я замыслил
прекрасную
книгу «радость»
там ходячие мертвецы
свято верят в радость

но стоят мёрзлой армией
фонари
и окурок пустого дня
до утра горит
как горит свеча в храме
поставленная стариком
снящейся мёртвой маме —
танцующей, чёрно-белой
обезумевшей —
мол,
ты прощён, ты цел;

снег — как школьный мел,
так и пишуций — в пустоте, во тьме —
в пустом классе, на чёрной доске,
влюблённой рукой —
тут же смазываясь в ничто
скисшей сухой тряпкой

ночь искрит в пустой радиорубке
...как соседство нитей мясорубки —
душ родство, и лейки душевой
смолкшей капля вздрогнула улыбкой:
зыбкий мир — живой живой живой

ум во сне летит как стрелка мимо
стрелки медленной, пока она
всё ползёт мимо совсем тягучей
и летят вдоль тучи клочья тучи
и приоткрывается луна

«не хочу срэдь й-уношей теп-личных» —
вот бы это спел Вертинский, да?
«как в кол-хоз идёт э-ди-но-личник» —
и рукой стряхнул бескровной птичьей
искру-смерть в горелых проводах

МАШЕНЬКА

КАМЕРНАЯ ОПЕРА

Действующие лица:

Профессор Мозамбикский
Комсомолка Утюгова
Чёрный шаман Пехштейн
Говорящий пёс Леруа
Лётчик Воев
Протоиерей отец Спиридон Пакин
Дьячок Вильямс
Полицай Плюев
Сторожевые фашисты — брат и сестра Вертмюллер
Хор студентов ИФЛИ — *тенор, баритон, бас*
Хор студентов Первого медицинского
института — *тенор, баритон, бас*
Душа студента ИФЛИ, тенора
Ещё один фашист

На сцене модель молекулы. В центре — подсвеченный куб. В нём сидят Профессор Мозамбикский и Комсомолка Утюгова. От куба отходят лестницы, на них сидят Студенты Первого медицинского института в белых халатах и масках птиц, а также Студенты ИФЛИ в круглых роговых очках.

Мозамбикский. Змеи, выдры, камни, окна:
повтори!

Утюгова. Голень, вырез, чайник, кокон:
что внутри?

Студенты ИФЛИ. Ворвань,
ворвань,
ворвань,
ворвань!

Студенты-медики. Кодеин!
Кодеин!

Мозамбикский. Час лечь — лишь лай
Утюгова. Пост рыб — свет-март

Мозамбикский. Домики королей падали хорошо.
Каждое молоко родина берегла

Утюгова. Ум
коней
горячо
спрашивает
мироздание:
справедливость
откуда-
нибудь
ждать?

Оба хора студентов. Сооооон...

Профессор и Утюгова быстро сидя засыпают
внутри куба. Студенты поют.

Студенты - медики:

Баритон. Сталин!
Бас. Кормит!
Тенор. Утку!
Баритон. Ямсом!
Бас. Рапсом!
Тенор. Анисом!
Баритон. Ониксы!
Бас. И смарагды!
Тенор. Ночного неба!!
Баритон. Хрупко!
Бас. Предчувствуются!
Тенор. На дневном!

Студенты ИФЛИ:

Тенор. На дневном...
Бас. Отделении...
Баритон. Я влюбился...
Тенор. В грустную...
Бас. Девушку...
Баритон. Не могу о ней не думать...
Тенор. Почему только...
Бас. Каждый раз...
Баритон. Эту стыдную дымку нежности...
Тенор. Сду!вает состраданием...
Бас. И...
Баритон. Сердце рушится...
Тенор. Как фанерный...
Бас. Самолёт...
Баритон. На дома...

Профессор и Утюгова просыпаются.

Мозамбикский. Мучительная
измученность
мучает
меня:

я
очень
измучен,
замучался
необъяснимо!

Утюгова. жук
лёт:
шесть
лап
вверх:
тут
не
смерть
и
не
сон:
тут
страх

Сцена уходит в полную темноту.

Чёрный шаман Пехштейн, лысый, в чёрном балахоне с широкими длинными рукавами. Из рукавов торчат, как птичьи лапы, голые корни деревьев. Иногда эти корни-руки дерутся между собой, царапают пол и воздух.

Шаман. пустая дрожь земли
седая мышь зимы
ничья луна ростка
военная тоска

плакаты на углу
вагоны бух во мглу

осколки на земле
вороны шух во мгле

вороний глаз горит
как льдинка-уголёк
летит метеорит
вздыхнул и в землю лёг

вот и моя душа
как чёрная земля
лежит водой дыша
и лесом шевеля

Студенты И Ф Л И. Каунас! Каунас!
Студенты - медики. Лёд! Лёд! Лёд!
Лёд! Лёд! Лёд!

Шаман. четыре колодца стояли в ночи
в них звёзды дышали как искры в печи
так дева степная латает рукав
и птичьему взмаху подобна рука

как горный источник по капле кувшин
наполнить умеет, так робкой души
бездонная радость до солнц достаёт
и рушится плачет и молча поёт

я речь не о страхе
я мост через смерть
я белой рубахи
скитанье во тьме

Всё заливает свет.

Лётчик Воев и Комсомолка Утюгова сидят
в модели самолёта, сделанной из того же модуля, что и модель
молекулы. Студенты изображают руками пропеллеры.

Воев. Ле...
тели..
тратили..
истратили..
топливо..
запас..
весь...

Утюгова. Огонёк спички, ночь, щебень дороги

Воев. Ла...
тали..
целились..
прицелились..
молотком..
удар..
гул...

Утюгова (*ласково прижимается к Воеву*). Соловей, корни звёзд,
щебет Корана

Студенты И Ф Л И. Машенька! Машенька!
Студенты - медики. Морфий! Морфий!

Воев. Номер один
Утюгова. Льдинки текут
Воев. Номер оскал
Утюгова. Варезка-луч
Воев. Номер умру
Утюгова. Идолы жаль
Воев. Номер Синай
Утюгова. Ласточкин жар

Студенты И Ф Л И. В синие лбы

Студенты - медики. Зеркало бьёт
Студенты И Ф Л И. Рай без судьбы
Студенты - медики. Жёлудь поёт
Студенты И Ф Л И. Меркнет ведро
Студенты - медики. Ходит теней
Студенты И Ф Л И. Солнечный кров
Студенты - медики. Мареву дней

Утюгова (*ласково прижимается к Воеву*). Серые гонги лет
летят утками...

Воев (*с упрёком*). Долгие уши рвов болят сутками!
Утюгова. Там или заросли или пыль
Воев. Как это хорошо — забыть часть

Студенты И Ф Л И. Рыб исторической памяти ловит миф
Студенты - медики. Небо, как мать — отца, укрывает мир
Студенты И Ф Л И. На человеческую ладонь упало перо
Студенты - медики. Видишь закат-огонь? Это рухнул кров

Воев. Горб синих гор
Утюгова. Боль серых глаз
Воев. Бог есть любовь
Утюгова. После всего

Всё заполняет дым.

В полутьме протоиерей отец Спиридон Пакин
медленно зажигает тонкие свечи. У него как бы *basso profundo*,
но он всё время даёт петуха.

О. Спиридон. Burning air that roars like lion
Дьячок Вильямс. А по-русски — стрекоза
О. Спиридон. Flying rain with dying thunder
Дьячок Вильямс. Это божия гроза

Вбегают Утюгова и оба хора.

Утюгова. Бычий пузырь вместо окна!
Хоры. Старому миру — наша война!
Утюгова. Тучи-рога, куль-водород!
Хоры. Лоб сапога — русский народ!

Гремит гром, все долго молчат.

Утюгова. В детстве я бегала...
Дьячок Вильямс. В листве — улитки...
О. Спиридон. Oh tender fire of truth in the red wine
Утюгова. И туман таял...
Дьячок Вильямс. Веточка по песку...
О. Спиридон. Poverty is the happiest way

Студенты И Ф Л И. Чайничек! Чайничек!
Студенты - медики. Бензедрин! Бензедрин!

Дьячок Вильямс. шли волхвы
устав дорогою
спали, подложив дары
под седые свои головы
жгли короткие костры

дули на похлёбку,
миской жглись
вспоминали, три царя,
три дворца свои — и дальше шли
робкой радостью горя

вспоминали кошку старую
тень короны на полу
дудку
белую отару — и
шли верблюдами в иглу!

В полутьме загорается семиконечная звезда.

Идёт снег. У т ю г о в а ловит его кастрюлей, растапливает на огне и набирает в шприц.

У т ю г о в а. человек блюёт, ему легчает
потому что дом издалека
кажется коробочкою чая
кажется бидоном молока

муравей поёт, ему не слышно
даже самого себя порой
он идёт по мокрой чёрной вишне
по листве, по радуге сырой

умирают волки, камни тают
плавится песок, и стеклодув
над печальной Чехией летает
голову-воздушный шар надув

я хочу стать некою стихией
гнуть траву потом топить дома
я и есть Советская Россия
я схожу с ума схожу с ума

На большом экране над сценой бежит назойливая, как при сильной усталости и нервном расстройстве, смесь: свадьба синих верблюдов, мастурбирующий Сталин в парадном кителе, асимметрично ветвящийся конь, доминантсептаккорды в костюмах карандашей, маленькие смысловые узлы, плоский белый песок пустых множеств.

Сцена в тонах пыльного сукна. Профессор Мозамбицкий в военной форме, с винтовкой за спиной и папиросой в руке.

М о з а м б и ц к и й. Это, Машенька, война.

У т ю г о в а. Час лап.

М о з а м б и ц к и й. Это, ласточка, война.

У т ю г о в а. Ты слаб.

М о з а м б и ц к и й (стряхивает пепел на пол). Это пепел на полу.

У т ю г о в а. Был дым.

М о з а м б и ц к и й (показывает на фикусы в углу комнаты). Это фикусы в углу.

У т ю г о в а. И запомни:

Я не люблю тебя:

Ни отважным,

Ни даже раненым,

Ни седым!

С т у д е н т ы И Ф Л И взрывают хлопушку с бумажными серпантинами, с т у д е н т ы - м е д и к и взрывают хлопушку с конфетти. Все высоко прыгают.

С т у д е н т ы И Ф Л И. То-то топот: конь и конь!

С т у д е н т ы - м е д и к и. Это опыта огонь!

С т у д е н т ы И Ф Л И. Ну и ну!

С т у д е н т ы - м е д и к и. Ну да, ну да.

О б а х о р а. Вот и зрячая вода.

Гладят по голове плачущую Утюгову; сцену окутывает пыльный дым.

Из лестниц, изображавших раньше молекулу и самолёт, составлена виселица; в петле висит С т у д е н т - и ф л и е ц (тенор); по сцене ходит молодой полицией П л ю е в.

П л ю е в. я немножко вернулся
и я немножко сказал
я немножко устал
когда заблудился

я немножко ходил во тьме
и немножко был
а теперь я здесь — но
я ли я? вы ли вы?

я немножко остался
и я немножко уснул
снится ветер ночной и гонит
хвойный огонь и
волны горького дыма
а алый лес
кулаки цветов сжал, как волк —
зубы при погоне

я немножко проснулся
и я немножко смеюсь
я немножко ослаб
когда заблудился
вышел на голоса
на стрёкот сухой травы
и осколки звенят: вот
я и я, вы и вы

П о в е ш е н н ы й с т у д е н т . Я из смерти говорю:
ты говно.

П л ю е в . Человек есть вариант
кашля, но...

П о в е ш е н н ы й с т у д е н т . Я из смерти говорю:
не пизди.

П л ю е в . Человек есть поворот
вперед.

Падает, потому что У т ю г о в а подошла сзади и ударила его
стулом по голове.

У т ю г о в а . Милый! Ты ходил меж нами,
как Бодлер между границ
восприятия, как пламя!
перед чем же пал ты ниц?

И ф л и ц ы (Б а р и т о н и Б а с) тащат Плюева и вы-
брасывают в канаву.

И ф л и ц ы . Пададь!
Пададь!
Пададь!

М е д и к и . Физраствор!
Физраствор!

Под потолком сцены летит составленный из лесенок и
светящегося посередине кубика самолёттик; У т ю г о в а
смотрит на него и широко машет светлым платком.

Сцена темнеет.

Ч ё р н ы й ш а м а н П е х ш т е й н с трудом ставит
большие бумажные камни один на другой. Чуть правее лежит
Г о в о р я щ и й п ё с Л е р у а , чёрный, с клоунским
носом, и царапает лапой поверхность воды в неглубоком тазу.

П ё с . Пишу тебе, картошечка, я сам...

Ш а м а н . Горелый шар земной — мордве-луне!

П ё с . Лицо твоё подобно небесам...
(Шаману.) Я ласков или жалок?

Ш а м а н . Не вполне.
Приливы и отливы, города,
похожие на плесневелый сыр,
и даже эта мудрая вода
дрожит, дрожит, как некие весы.

Из угла сцены в сторону пса катится шар с лунным рельефом, сбивает камни Шамана, опрокидывает таз. Пёс уходит за луной, музыка делается всё громче, Ш а м а н затыкает уши и садится на пол. Музыка замолкает; над сценой долго, переливаясь мертвенной радугой, фрактально ветвится портрет Карла Маркса.

Вбегают И ф л и й ц ы, приносят вынутого из петли Т е н о р а .

Б а р и т о н. Его душа должна быть
Б а с. ещё очень близко.
О б а. Догонишь?

Ш а м а н долго гоняется за Д у ш о й т е н о р а — девушкой в белом хитоне и круглых роговых очках, в конце концов ловит её руку.

Ш а м а н. Картошечка!
Не речь, но зеркала...
Д у ш а. Я там везде,
везде уже была!
Ш а м а н. А утренний туман?
А запах лип?
Д у ш а. Пошёл ты!
Но я — да,
не взрыв, но всхлип.

Д у ш а тяжело вздыхает, идёт к И ф л и й ц у. Тот оживает; из правого угла сцены катится шар-солнце; с т у д е н т ы разворачивают красные флаги и маршируют за солнцем.

Всё заполняет свет.

Из лестниц составлена тесная клетка, в ней стоят У т ю г о в а и Л ё т ч и к В о е в. Их стерегут сторожевой фа-

шист В е р т м ю л л е р и его сестра, с т о р о ж е в а я фашистка В е р т м ю л л е р.

В о е в (*фашистке*). Ты прекрасна, как весна!
Ф а ш и с т к а. Я есть гриф.
У т ю г о в а (*фашисту*). У тебя в штанах сосна!
Ф а ш и с т. Миф... Миф... Миф...

У т ю г о в а. Как бы нам
вам
так польстить,
В о е в. Чтобы вам нас отпустить?

У т ю г о в а (*кричит, внезапно отчаявшись*). Вы тупые живодёры!
В о е в. И кровосмесители!

Ф а ш и с т ы закатывают глаза от удовольствия.

У т ю г о в а. Скоро-скоро-скоро-скоро!
В о е в. К нам придут спасители!

Фашисты глядят себя и стонут в счастливом изнеможении; в это время к фашисту по-пластунски подползает отец С п и р и д о н, к фашистке — дьячок В и л ь я м с, они набрасывают на фашистов мешки и завязывают у ног. Освобождают У т ю г о в у и В о е в а, быстро уходят с ними; на сцене остаются фашисты Вертмюллеры, ползающие по сцене, как гусеницы.

Ф а ш и с т. Истина — в развоплощенье
Ф а ш и с т к а. В той духовной слепоте
Ф а ш и с т. На которую надо ещё решить
Ф а ш и с т к а. И никогда ей не изменить
Ф а ш и с т. Чтобы в конце концов достойней всех
Ф а ш и с т к а. Предстать перед неназываемым
Ф а ш и с т. вечным началом
О б а. не-
бы-
ти-
я!

Фашистка. Повторюсь: это обратная, но аскеза
Фашист. В ржавую пыль превратить гордое железо
Фашистка. Горячей совести
и
ясного ума.
Фашист. Здравствуй, конечная наша станция
Оба. Гнилая тьма.

На сцену выходит ещё один фашист, видит пустую
клетку, стреляет из револьвера в ползающие мешки.

Похороны профессора Мозамбицкого. Студенты ИФЛИ
несут открытый гроб, студенты-медики копают
могилу.

Студенты ИФЛИ. Чем же был для нас покойный?
Студенты-медики. Карантин!
Караван!
Студенты ИФЛИ. Он такой теперь спокойный!
Студенты-медики. Горизонт!
Ереван!
Студенты ИФЛИ (*заколачивают гроб*). Угол,
угол,
мяч,
ворота!
Студенты-медики (*опускают гроб в могилу*). Дождь,
трава,
бутсы,
гол!

Оба хора. Вот и всё, он от нас ушёл.

Отец Спиридон и Шаман Пехштейн листают
дневник профессора и неудержимо плачут, иногда останав-
ливаясь и читая вслух.

О. Спиридон. Первое сентября
Шаман. Сорокового года.
О. Спиридон. Уши мои горят.
Шаман. Пью холодную воду.
О. Спиридон. Чищу картошку, сплю.
Шаман. Машу мою люблю.

Плачут, потом продолжают читать.

Шаман. Первое сентября
О. Спиридон. Сорок первого года.
Шаман. Уши мои горят.
О. Спиридон. Пью холодную воду.
Шаман. Чищу картошку, сплю.
О. Спиридон. Машу мою люблю.

Над сценой летит самолёт из лесенок, взрывается и падает в
глубине. Выходит Утюгова в светлом платье и платке, с
младенцем на руках.

ПОЭЗИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

Русская серия

1. Линор Горалик. Так это был гудочек
2. Игорь Померанцев. Смерть в лучшем смысле этого слова
3. Григорий Кружков. Холодно-горячо
4. Гали-Дана Зингер. Взмах и взмах
5. Игорь Булатовский. Смерть смотреть
6. Станислав Львовский. Стихи из книги и другие стихи
7. Полина Барскова. Воздушная тревога
8. Ян Каплинский. Улыбка Вегенера
9. Мария Галина. Четыре года времени
10. Андрей Черкасов. Ветер по частям
11. Олег Пащенко. Мне не очень

Переводная серия

1. Евгений Осташевский. Жизнь и мнения диджея Спинозы
2. Сергей Жадан. Всё зависит только от нас
3. Дэвид Шапиро. Человек без книги
4. Герта Мюллер. Бледные господа с чашечками кофе в руках
5. Герта Мюллер. Как в пучке волос жить даме

Книги проекта

Literature Without Borders / Литература без границ

можно приобрести в следующих магазинах:

МОСКВА

Фаланстер

Малый Гнездниковский пер., 12

Порядок слов в Электротееатре

ул. Тверская, 23

РИГА

NicePlace Mansards

Kr. Varona iela 21A

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Порядок слов

наб. реки Фонтанки, 15

<http://literaturewithoutborders.lv/>